

Ю. В. Кобенко, П. И. Костомаров
Национальный исследовательский Томский
политехнический университет

ЭНДОГЛОССНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В МЕЖКОН- ТИНЕНТАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (XVII — XXI ВЕКА)

В статье приводятся результаты анализа состояния диалектов немецких переселенцев на исторических маршрутах их межконтинентальной миграции с учетом экстра- и интралингвистических факторов языковой эволюции. Исследуются причины и симптомы эндогlossной динамики функционирования немецких переселенческих диалектов в местах компактного поселения представителей немецкого этноса в США, Австралии, Бразилии, Намибии, России и Советском Союзе. Используются данные переписей населения указанных стран различных исторических периодов (1897, 1959, 1979, 1996 и 2002 гг.), а также корпус обще- и частнонаучных (лингвистических) методов. В качестве общей методологической рамки имплементируется средовой подход, позволяющий изучать язык в тесной связи с коммуникативной средой. Делается вывод о неизбежности приближающейся инволюции островных диалектов представителей немецкого этноса в иноязычном и инокультурном окружении, симптомом которой выступает продолжительное эндогlossное функционирование указанных языковых форм.

Ключевые слова: эндогlossия; экзогlossия; инволюция; немецкие диалекты переселенцев; престижный металект; коммуникативная мощьность

1. Введение

Эволюция языков подчинена двум противоположным векторам развития: экзогlossии и эндогlossии. Экзогlossия предполагает ориентацию на более престижный идиом, имеющий статус языка вертикали, который гарантирует носителям достойное образование, социальное благополучие, карьерный рост и т. п. и ассоциируется буквально с движением вверх. Экзогlossными идиомами (металектами), как правило, являются языки с высокой коммуникативной мощьностью (числом говорящих), обеспечивающей им статус языков-макропосредников надрегионального, межгосударственного и глобального характера. Ориентация на

престижный металект автоматически влечет гибридизацию ресурсов языка-реципиента и образование в его составе адстратов (заимствованных пластов лексики), которые количественно могут превосходить лексические системы малых языков. Все литературные идиомы характеризуются высокой гибриднойностью, поскольку вобрали в себя материал престижных языков, помогающий им поддерживать коммуникативную пригодность. Так, немецкий литературный язык традиционно пополняет свой словарный состав через заимствование, а высокая степень гибридности вследствие избрания им экзоглоссного вектора развития позволяет ему выдерживать суровую конкуренцию с языками европейского ареала за умы говорящих, ведь язык есть основа мышления. Следовательно, чтобы выиграть данное состязание и не понизить свой социальный статус, что в густонаселенных ареалах равносильно языковой смерти, языки вынуждены выбирать экзоглоссный вектор развития.

Эндогlossия связана с так называемой языковой автаркией (замкнутостью) в пределах определенной (как правило, исторической) территории проживания этноса и предполагает функционирование идиома в качестве языка горизонтали, обеспечивающего общение исключительно внутри собственного этнического коллектива. Эндогlossию следует понимать как своего рода защитную реакцию пользователей на внешнее экзогlossное влияние престижных языков-макропосредников, итогом которой становится консервация языковых норм и неизбежная архаизация ресурсов, характерная для всех диалектов. Попытки отгородиться от энтропии импортированных металектов зачастую с миллионным словарным составом стоят малым языкам развития и замыкают их коммуникативный радиус на нескольких предметно-понятийных группах этно-бытовой специализации. Весьма точную характеристику эндогlossным идиомам дал бывший министр экономики Баварии Г. Эттингер, обозначивший немецкий язык эпохи интенсивной американизации (1945 — 2010 гг.) «диалектом конца рабочего дня» («Feierabenddialekt»).

Действительно, судьба всех диалектов неразрывно связана с эндогlossным вектором эволюции, ограничивающим их социальное функционирование до стратегии сохранить число оставшихся говорящих. Постепенное снижение социального статуса диалектов до индигенных форм, подверженных вымиранию,

является платой за отказ от дальнейшего развития за счет подражания более престижным языкам и смешению с ними. Однако эндогlossия не всегда есть следствие осознанного выбора этнического коллектива. В большинстве случаев защитная реакция объясняется как раз отсутствием всяческой альтернативы. Оказавшись в «тисках» коммуникативно более мощного идиома диалектный «остров» старается сохранить свой исторический уклад и средство общения предков. Такое сопротивление заведомо обречено, так как социология языков работает по общему принципу «большее подчиняет меньшее», и за падением статуса, как правило, следует асимметричный билингвизм с престижным металектом как языком вертикали, а затем диалект вступает в финальную стадию инволюции, когда его носители массово практикуют отказ от языка предков или же полностью прекращают на нем говорить по причине невостребованности (КОБЕНКО & КОСТОМАРОВ 2018: 80).

История немецких переселенческих диалектов изобилует примерами локальной эндогlossии в местах поселения эмигрантов. В отличие от англосаксов, насаждавших английский язык не с мирного согласия народов, немцы экспортировали свой язык заведомо на паритетных началах, делая ставку на сбалансированное двуязычие. Тем не менее практика показала, что такой подход почти наверняка является проигрышным: немецкие переселенцы на протяжении всей колониальной истории вынуждены были колебаться между Сциллой автаркии и Харибдой ассимиляции, в итоге принося в жертву свою этническую идентичность. В межконтинентальном срезе повсеместно прослеживается один и тот же результат: эндогlossное функционирование экспортированных идиомов, их креолизация и верное приближение инволюции. Высокая степень дисперсии немецкой языковой материи, берущая начало в исторической разобщенности германских племен и их внутриэтнических средств общения передалась целиком дочернему диалектному континууму.

2. Цель, объект, предмет и методология исследования

Целью статьи является анализ динамики функционирования диалектов немецких переселенцев в межконтинентальной перспективе. Объект исследования — немецкие переселенческие диалекты в условиях эмиграции на территории США, Австралии, Бразилии, Намибии, России и Советского Союза;

предмет — эндогlossный характер функционирования диалектов немецких переселенцев в иноязычном окружении. Общая гипотеза исследования: неизбежность инволюции указанных диалектов в местах эмиграции их носителей в силу следующих факторов: потери социального статуса, «сворачивания» коммуникативного радиуса, креолизации потомков эмигрантов вследствие культурной ассимиляции и отмирания диалектов вместе с носителями старшего поколения.

Эмпирическим основанием работы выступает укрупненный подход, предполагающий совмещение интра- и экстралингвистических фактур описываемых языков в привязке к определенной языковой ситуации. С одной стороны, функционирование диалектов немецкоязычных переселенцев изучается в констелляции с другими идиомами, оказывающими непосредственное влияние на их статусную и корпусную составляющие; с другой стороны, анизотропия языковой ситуации всегда ограничена рамками определенной коммуникативной среды, которая может превосходить границы отдельной административно-территориальной формации. Первый аспект коррелирует с теорией экзогlossии, подготовленной зарубежными социолингвистами Э. Кошеру, И. Скаттум, Б. Хайне и др. Сутью данной теории является валоративно-функциональное разделение взаимодействующих идиомов на престижные (импортированные языки экзогlossной вертикали) и местные (языки эндогlossной горизонтали). Второй аспект восходит к средовой теории, заложенной американским этнологом Э. Сепиром и получившей дальнейшую разработку в трудах отечественных лингвистов В. А. Виноградова, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовского и др. Сегодня отправным постулатом средовой теории является тезис о невозможности существования языка вне среды его распространения: как стиль зависит от сферы общения, так и язык зависит от своей коммуникативной мощности (числа говорящих).

В исследовании использованы данные переписей населения Австралии 1996 г., Российской Империи 1897 г., Советского Союза 1959 и 1979 гг., Российской Федерации 2002 г. а также корпус обще- и частнонаучных методов. К общенаучным относятся методы логики и статистики (анализ, синтез, обобщение, группировки и т. д.), к частнонаучным (лингвистическим) — оппозитивный, описательный, сравнительно-исторический и пр.

3. Результаты исследования

3.1. Соединенные Штаты Америки

XVII в. считается отправной точкой межконтинентального перемещения крупных групп представителей немецкого этноса, до этого периода времени совершавших миграции преимущественно в пределах евразийского континента. Одним из первых мест паломничества немецких переселенцев является территория североамериканского штата Пенсильвания, принявшая в 1683 г. 13 немецких семей из области Крефельд, которые получили от основателя современной колонии Пенсильвании У. Пенна разрешение на поселение в районах, примыкающих к окраине Филадельфии и впоследствии ставших городом Джермантаун (ТНІЕЛ 2012: 1–2). Анализ динамики распространения немецкоговорящих переселенцев во второй половине XVII в. и на протяжении большей части XVIII в. позволяет констатировать, что Пенсильвания занимала лидирующее положение среди других американских колоний Британской империи по общему числу прибывших немцев в течение трех основных волн эмиграции: 1) 1683 — 1710 гг.; 2) 1710 — 1727 гг.; 3) 1727 — 1775 гг. (STRASSBURGER 1934: 42–44). Увеличение немецкого присутствия в Пенсильвании в XVIII в. способствовало образованию унифицированного пенсильванско-немецкого диалекта (*Pennsylvania Dutch*), сложившегося под влиянием нескольких диалектов и имеющего значительное сходство с пфальцским диалектом (*Pfälzisch*), на котором говорило большинство немецкоязычных поселенцев (НОУТ 2004: 12). Чем стремительнее распространялся пенсильванско-немецкий диалект на территории Пенсильвании, тем сильнее он подвергался влиянию со стороны титульного идиома — английского языка. Одним из основных факторов, повлиявших на усиление позиций последнего в среде переселенцев, является переориентация представителей немецкого этноса с сельского на городской стиль жизни, обусловившая, с одной стороны, более тесный контакт с соседствующими этносами, а с другой стороны, обеспечившая преобладание английского в качестве основного средства межэтнической коммуникации. Немецкоязычные иммигранты избегали интеграции с общиной, которая использовала только пенсильванский немецкий язык в качестве средства общения, и селились главным образом в крупных и мелких городах, где английский язык играл лидирующую роль.

Интеграция немецких переселенцев в англоязычную среду не прошла бесследно и для самого пенсильванско-немецкого диалекта, который подвергся значительному влиянию со стороны автохтонного (английского) идиома; ср. английские вкрапления в речи немецкоязычных иммигрантов того периода: *purchase* — *purtschasen*, *bargain* — *der Barghen*, *expect* — *expekten* (LOUDEN, 2003: 77). В XIX в. сохраняется тенденция к снижению распространения пенсильванско-немецкого диалекта в эмигрантской среде, вызванная рядом причин, среди которых: укрепление позиций английского языка в сфере торговли, управления, школьного образования и средств массовой информации; креолизация потомков переселенцев более поздних волн иммиграции; постепенная утрата пенсильванско-немецким диалектом статуса языка образования и его усиленное смешение с фактурой английского языка (LEARNED 1889: 111–114). Массивная индустриализация в США XX в., обусловившая лавинообразную внутреннюю миграцию населения из сельской местности в крупные промышленные центры Филадельфию и Харрисбург, лишь упрочила тенденцию постепенного исчезновения пенсильванско-немецкого диалекта из речи потомков немецких переселенцев в штате Пенсильвания. Утрата этнического средства коммуникации была вызвана высокой энтропией со стороны английского языка (PAGE 1937: 205), повлекшей снижение престижа пенсильванско-немецкого диалекта в среде самих пенсильванских немцев (KLOSS 1966: 241; КОРР 1993: 273) и, как следствие, «сворачивание» его коммуникативного радиуса до формата эндоглоссного (внутрисемейного) средства общения, используемого исключительно представителями старшего поколения (HUFFINES 1980: 49).

3.2. Австралия

В истории немецкой колонизации Австралии 30-е гг. XIX в. стали вехой, ознаменовавшей начало интенсивных волн иммиграции представителей немецкого этноса. Освоение территорий Австралии с 1838 г. осуществлялось преимущественно немецкими крестьянами, а также мелкими фермерами из Бранденбурга, Уккермарка, Померании, Силезии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессена, численность которых к 1891 г. в крупнейших районах северо-восточной и юго-восточной частей Австралии составляла более 40.000 человек (Квинсленд — 14.924, Виктория — 10.772, Новый Южный Уэльс — 9.565, другие части Австралии — 10.000).

Таким образом, немецкая община стала одной из самых крупных небританских этнических групп Австралии. Немецкий язык распространялся, в первую очередь, в таких городах как Мельбурн и Аделаида, где имелись золотые прииски, а также в поселениях, располагавшихся в сельской местности с большой численностью немецкоязычного населения. В данных анклавах немецкий язык функционировал в качестве основного средства коммуникации, обслуживая сферу церкви (обычно лютеранской, но в некоторых частях Квинсленда также апостольской), фермерства и виноградарства. Начиная с 1870-х гг. XIX в. и вплоть до периода между двумя мировыми войнами постепенное увеличение коммуникативной мощности немецкого на колониальных территориях Австралии переросло в настороженность автохтонного населения, а позже и в закон о запрете двуязычного образования, прекращении выпуска печатной продукции на немецком языке и переименование немецких топонимов, в результате чего немецкий идиом «свернулся» до упомянутой выше эндогlossной рамки и превратился в язык главным образом старшего поколения. Как и в штате Пенсильвания, язык потомков немецких переселенцев в Австралии второй половины XX в. подвергся значительному смешению с английским языком, симптомами которого стали: присвоение женского рода заимствованным австрализмам, например: *die car, fence, paddock, yard*; образование глагольных неологизмов на английской основе при помощи заимствованного галльского суффикса *-ier*, ср.: *farmerieren, gärtnerieren*; синтаксическое калькирование, к примеру: *Wenn ich war vierzehn, dann sind wir gegangen zu Hamilton* (по аналогии с *When I was 14, then we went to Hamilton*) (CLYNE 2001: 385). Усиливающаяся англизация усугублялась отсутствием единого центра консолидации немецких диалектов, характеризовавшихся и без того высокой гетерогенностью в силу различных отправных пунктов эмиграции. Пресловутая дисперсия немецкой языковой материи, доставшаяся австралийским диалектам немецких переселенцев от материнского континуума, усилилась появлением изрядного числа территориальных дублетов, распространенных на различных и порой разрозненных территориях Южной Австралии; ср.: *gumbaum* (Таррингтон и Виктория) vs. *gummibaum* (Гандорф и долина Баросса); *grosskind* (Таррингтон) vs. *enkel* (долина Баросса); *'ne car fahren* (долина Баросса) vs. *'ne car treiben* (Таррингтон). Присущие всем диа-

лектам немецкого языка колебание грамматического рода (*der krick, die kricke* для английского слова *crick*) и тенденция к консерватизму (ср. использование архаизма *luftschiff* вместо *aeroplane*) еще больше расширили амплитуду вариативности. Следует подчеркнуть, что решающую роль в изучении и понимании процессов, влияющих на распространение и использование немецкого языка, играют переписи населения. Согласно данным сенсуса 1996 г., немецкий язык в Австралии конца XX в. использовали 98.210 жителей, 80% из которых родились за пределами континента. Наибольшее количество австралийских немцев в тот период проживало в Мельбурне (21.772 человека) и Сиднее (19.663 человека), а в качестве одного из распространенных сфер использования немецкого языка респондентами указывалась внутрисемейная коммуникация, что подтверждает тезис о его преимущественно эндогlossном функционировании.

3.3. Бразилия

В начале XIX в. центром немецкой эмиграции в Латинской Америке становится Бразилия. Король Жоао VI наделил в 1818 г. немецких католических крестьян из Рейнской области и Швейцарии территорией в районе Байя, а также санкционировал основание поселения Новый Фрайбург недалеко от Рио-де-Жанейро в 1820 г. (ГОСК 1994: 3). Менее чем за полвека немецкой колонизации Бразилии, протекавшей в две волны с 1824 по 1847 гг. и с 1872 по 1879 гг. численность переселенцев увеличилась более чем в пять раз (с 8.176 до 42.024 человек) (MAUCH 1994: 165), а к 1888 г. — еще до 92.000 человек (INSEL 2011: 46). Районы проживания первых немецких колонистов отличались пестрым диалектным разнообразием. В то время как носители западносреднегерманских диалектов селились в юго-восточной части Бразилии, носители нижнегерманского диалекта (померанцы) осваивали ее северо-западные территории. Остальная часть заселялась эмигрантами из разных регионов Богемии (позднее Австрийской империи) и примыкающей к ней Силезии (AUER 2005: 64). Такой диалектный синкретизм постепенно преодолевается путем консолидации общего регионолекта, объединившего в себе особенности рейнско-франкского и мозельско-франкского диалектов и первоначально распространенного в западногерманской области Хунсрюк (*Hunsrück-Gebiet*) (MEYER 2014: 44). Тем не менее, оставаясь языком переселенческого

меньшинства, Хунсрюкский регионолект (Hunsrückisch) подвергся значительному влиянию со стороны португальского, пользующегося статусом государственного языка Бразилии. В результате тесного языкового контакта с экспонентом языковой ситуации образуется целый лузо-германский адстрат, состоящий преимущественно из онемеченных португализмов, ср.: *bodega* → *die Putega*, *caneleira* → *der Kanelepaum*, *carroça* → *die Karose*, *churrasco* → *die Schuraske*, *gato* → *der Kato*, *sabonete* → *der Saboned* (SPINASSÉ 2008: 122; WILLEMS 1980: 198–214). 30-е гг. XX в. характеризуются резким изменением языковой ситуации в Бразилии после вступления в должность президента Ж. Варгаса, избравшего курс планомерной национализации внутренней политики, результатом которой стало масштабное притеснение немецкоязычного меньшинства, в целом, и немецкого языка, в частности; эскалация насилия и политические репрессии в отношении немецких переселенцев; ликвидация всех бразильских газет, выпускавшихся на немецком языке; закрытие школ, занятия в которых велись на немецком языке, и их переориентация исключительно на лузофонию (INSEL 2011: 52–56). Таким образом, ко второй половине XX в. в немецких поселениях Бразилии сложилась и упрочилась эндогlossная динамика функционирования Хунсрюкского регионолекта, во многом схожая с пенсильванским и австралийским сценариями эволюции немецких переселенческих диалектов. Признаками его эндогlossного функционирования являются: повсеместный лузо-германский билингвизм в семьях потомков немецких эмигрантов, использование немецкого языка преимущественно представителями старшего поколения и процессы креолизации подрастающего поколения, практикующего постепенный отказ от своего исторического идиома (CYBULLA 1993: 242).

3.4. Намибия

Немецкий «след» на территории Юго-Западной Африки берет свое начало в первой половине XIX в. и связан с именем представителя Рейнского миссионерского общества Г. К. Кнудсена, основавшего в 1842 г. первую миссионерскую станцию в Бетании (RANDÁKOVÁ 2009: 17). С. В. Буталий дает географическую сводку расселения данных представителей рейнского миссионерского общества с указанием мест основания ими миссионерских станций в различных районах: Г. Шеппман — Герреро, Ройбанк, Уолфиш-

Бей; И. Рат — Отжимбингве на реке Свакоп; Г. Хан и Г. Кляйншмидт — Отжиканго (БУТАЛИЙ 2008: 80). Одним из важнейших факторов распространения немецкого языка на территории Юго-Западной Африки можно считать политику Германской колониальной империи в сфере образования, результатом которой стало повсеместное насаждение немецкого языка в африканских школах (BAKER 2011: 13). Позиции немецкого языка в Намибии во время немецкого протектората, действие которого продолжалось с 1884 по 1915 гг., заметно укрепились не только в области образования, но также и в производственной сфере. В поселениях и районах миссионерских станций с доминирующим числом немецкого населения немецкий язык использовался в цехах и мастерских зачастую как единственное средство общения. Стремясь расширить коммуникативный радиус немецкого языка среди коренного населения Намибии в различных сферах общественной деятельности, немецкие колонизаторы препятствовали распространению капско-голландского языка (африкаанса) в качестве *lingua franca* на исконных территориях племен Орлам, Нама и Бастер (ONLU 1987: 15).

Однако в начале XX в. распространение немецкого языка в Намибии существенно замедлилось в силу начавшейся в 1915 г. по приказу Британской империи вторжения войск Южной Африки в Намибию. Утверждение африкаанса (языка буров) и английского языка в статусе основных средств коммуникации заметно ослабило позиции немецкого языка и вытеснило его из большинства государственных школ, в которых немецкоязычные ученики составляли большинство белого населения, в частные и приходские школы (ELLIS 1984: 20). Упадок немецкого языка продолжился и после установления окончательного протектората Южной Африкой над Намибией. Одной из причин этого процесса является обретение в 1925 г. африкаансом и английским языками статуса официальных языков Намибии (ONLU 1987: 20). Потеря немецким статуса официального языка Намибии на фоне событий Второй мировой войны сказалась на коммуникативной мощности немецкого языка в Африке в первой трети XX в., однако уже в 50–60-х гг. ушедшего столетия можно наблюдать интенсивный языковой контакт намибийского варианта немецкого языка с окружающими его идиомами. Так, его словарный репертуар пополнился заимствованиями из аф-

рикаанса (klip — die Klippe, pad — die Pad, rivier — das Rivier), английского языка (die Lorrie — lorry, donkey — der Donky, petrol — das Petrol), а также из коренных языков племен Гереро и Нама (Mariva — Geld, Muhonge — Missionar, Omeva — Wasser) (Nöckler 1963: 36–78). Однако главной причиной ослабления позиций немецкого языка в Намибии второй половины XX в. является провозглашение независимости данной африканской страны. Несмотря на то, что в принятой конституции регламентируется использование в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти языков, имеющих официальный статус (африкаанс и немецкий язык), в подразделе 3.1 английский язык провозглашен единственным официальным языком Намибии (NAMIBIAN CONSTITUTION 1990: 3). Таким образом, эндогlossный характер функционирования немецкого идиома в Намибии заложен фактически на законодательном уровне. Сопутствующим обстоятельством потери немецким языком прежнего статуса выступает усиление влияния африкаанса, ставшего ключом к социально-экономическому росту Намибии благодаря его широкому использованию в сферах государственного управления, торговли, промышленности, начального и среднего образования (PÜTZ 1992: 296).

3.5. Россия и Советский Союз

Вторая половина XVIII в. характеризуется смещением вектора переселения многочисленных групп носителей немецкого языка и культуры в сторону евроазиатского направления. Причиной этого можно считать целый ряд привилегий, которые даровались первым немецким колонистам императрицей Екатериной II в Пригласительном манифесте от 22.07.1763. Значительная часть немцев, переселившихся на Волгу в 1764/1767 гг. общей численностью 23.000 человека, являлись выходцами из Рейнской области, Вюртемберга, Гессена, Пфальца и в меньшей степени из других немецкоязычных регионов, как Эльзас, Лотарингия и Швейцария, а также из Нидерландов и Швеции (STUMPP 1974: 23). В 1764 г. первая партия немецких переселенцев прибыла в Поволжье и основала первые колонии, собирательно обозначаемые луговыми и горными. К луговым относились Подстепная (Розенхайм), Вольская и Привальная (Варенбург); в горные колонии входили Сосновка (Шиллинг), Усть-Кулалинка (Галка) и Лесной Карамыш (Гримм) (BAUER 1908: 21).

Спустя всего 10 лет после издания манифеста в Поволжье было основано более ста колоний немцев с населением более 32.000 человек (ЖИРМУНСКИЙ 1933: 89), а в конце XVIII в., согласно ревизии 1796 г., их численность составляла уже 237.000 человек (13-е место в Российской империи и 0,3% всего населения) (ДИЗЕНДОРФ 1999: 683). Большинство немецкоязычных ремесленников и крестьян в первых волжских колониях второй половины XVIII в. были носителями восточно-среднегерманского диалекта (*Ostmitteldeutsch*) — одного из четырех вариантов немецкого литературного языка (MOSER 1969: 151). Ведущая роль в его распространении принадлежит виттенбергскому теологу и реформатору М. Лютеру, осуществлявшему свою переводческую и миссионерскую деятельность с опорой на данный диалект. К концу XIX в. численность поволжских немцев, по данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г., увеличилась почти в 10 раз (до 407.500 человек), а к моменту упразднения Республики Немцев Поволжья (АССРНП) 28.08.1941 — до 606.000 человек (ШПАК 2005). Расформирование АССРНП и последовавшая за этим депортация немцев в тыловую часть СССР внесли значительные изменения в географию их расселения: средоточиями колоний немецких переселенцев стали Западная Сибирь (Омская, Томская, Новосибирская области, Алтайский край) и Казахская ССР (Целиноградская, Павлодарская, Карагандинская, Кустанайская и др. области). Однако если депортация немцев в Сибирь способствовала укреплению роли общего наддиалектного средства общения на восточно-среднегерманской основе (например, альт-урбахского диалекта), то насильственное перемещение поволжских немцев в Казахскую ССР обернулось разрушением их единого этноязыкового ядра в результате размежевания исторически сложившейся общности говорящих. Безусловно, положение депортированных не способствовало созданию привилегий для их диалектов на законодательном уровне. Ситуация усугублялась высокой гибриднойностью переселенческих говоров, образовавшихся путем скрещивания нижне- и верхнегерманских, среднефранкских и рейнско-франкских диалектов (ДУЛЬЗОН 1941: 82). В русле политики укрупнения коллективных хозяйств и ликвидации малых деревень средством междиалектного взаимодействия немцев в новых колониях стал русский язык. Тенденциозно усиливающийся русско-немецкий

билингвизм и постепенное обрусение потомков немецких переселенцев закрепили за немецким языком статус неофициального, внутрисемейного, т. е. эндогlossного средства общения, а продолжительные волны эмиграции на историческую родину в эпоху Перестройки стали предпосылкой для массового перехода к русскому языку как преобладающему идиому государственного уровня (МОСКАЛЮК 2012: 276). Сами диалекты в русскоязычном окружении вобрали в себя изрядное количество русизмов, зачастую подменяющих исконно немецкие обозначения, ср.: [vysof] 'вызов', [dɛjarkɐ] 'доярка' [kɛznɛts] 'кузнец' (БАЙКОВА 2012: 18).

4. Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующие наиболее существенные выводы.

1. Синхронное состояние немецких переселенческих диалектов в местах компактного проживания потомков немецкоязычных эмигрантов характеризуется высокой степенью эрозии, предваряющей языковую инволюцию, главным признаком которой следует признать непреодолимый этнокультурный разрыв между укладом жизни потомков-креолов, говорящих главным образом на автохтонном металекте (местном языке) в качестве L1 (основного средства общения), и представителей старшего поколения, у которых еще диагностируется билингвизм. Однако и этот билингвизм носит выраженный асимметричный характер: экзогlossный компонент постепенно вытесняет эндогlossный из всех сфер коммуникации.

2. Социолингвистический контраст престижного молодого и консервативного старого обусловлен рядом экстралингвистических факторов, важнейшим из которых является миграция и растущая урбанизация, подвигающая представителей молодого поколения немецкого этноса покидать сельские районы и искать работу в крупных городах. Значительным катализатором диссоциации языка и культуры представителей немецкого этнического меньшинства, находящегося в условиях иноязычного окружения на различных континентах, является увеличение численности межнациональных браков среди этнических немцев и представителей других национальностей. Негативные тенденции типичны также для набирающего обороты языкового сдвига, отражающего переход от распространенного на исследуемых

территориях вариантов немецкого языка в сторону идиомов, имеющих государственный статус и используемых большинством населения (Казахстан — казахский и русский, Россия — русский, Соединенные Штаты Америки, Австралия, Намибия — английский, Бразилия — португальский).

3. Подавляющее большинство экспортированных немецких диалектов относятся к началу нововерхненемецкого периода (XVII в.) и несут отпечаток давно отживших языковых норм. Их использование в эмигрантских колониях по всему миру обеспечило им достаточно продолжительную консервацию, однако навсегда отрезало от основного (материнского) германского континуума. Метафорически их можно изобразить в виде оборванных ветвей, полностью лишенных «подпитки соками» самого языкового древа. Единственная перспектива их сохранения, — исключая, к сожалению, всякую ревитализацию, — видится в последовательном смещении и переходе в более престижные и коммуникативно мощные идиомы в форме заимствованных адстратов. В этой связи эндоглоссия представляется не столько губительным горнилом языковой эволюции, сколько шансом естественной трансформации, свободной от тягостных идей этно-национального консерватизма, противоречащих самой сути эволюции.

Таким образом, можно констатировать подтверждение общей гипотезы исследования о неизбежности исчезновения описанных диалектов в рассмотренных местах эмиграции их носителей. Эндоглоссия выступила предвестником грядущей инволюции во всех островных зонах распространения немецких диалектов, история которых не только обогатила социолингвистический атлас мира, но и позволила по-новому взглянуть на процессы распространения и эволюции языков.

Список литературы / *Zitierte Literatur* / *Reference*

- Ауман В. А., Чеботарева В. Г. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. [Auman, Vladimir A., & Chebotareva, Valentina G. (1993) *Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992 gg.)* (History of Russian Germans in Documents (1763–1992)). Moscow: International Institute of Humanitarian Programs. (In Russian)].
- Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового

- острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): автореф. дисс. ... доктора филол. н.: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2012. [Baykova, Olga V. (2012) *Funktsionirovaniye nemetskikh dialektov v usloviyakh mezh- i vnutriyazykovogo vzaimodeystviya v ramkakh yazykovogo ostrova (teoreticheskiye problemy i polevyye issledovaniya v Kirovskoy oblasti)* (Functioning of German Dialects in the Conditions of inter- and intra-linguistic Interaction within the Language Island (Theoretical Problems and Field Research in the Kirov Region)). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University. (In Russian)].
- Буталий С. В. Деятельность немецких христианских миссий в Юго-Западной Африке и трансформация местных обществ (1842–1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 82/1. С. 78—84. [Butaliy, Sergey V. (2008) The Activities of German Christian Missions in South-West Africa and Transformation of Local Societies (1842–1914). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* (Izvestiya of Herzen Russian State Pedagogical University), 82/1, 78—84. (In Russian)].
- Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. Автономная республика. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1994. [German, Arkadiy A. (1994) *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941. Chast' 2. Avtonomnaya respublika* (German Autonomy on the Volga. 1918-1941. Part 2. Autonomous Republic). Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Дизендорф В. Ф. Демографические процессы // Немцы России: энциклопедия. Т. 1. А-И / ред. В. Карев. М.: ЭРН, 1999. С. 682—690. [Diesendorf, Viktor F. (1999) Demograficheskiye protsessy (Demographic Processes). In Karev, V. (ed.) *Nemtsy Rossii: entsiklopediya* (Germans of Russia: an Encyclopedia). Vol. 1. Moscow: ERN, 682—690. (In Russian)].
- Дульзон А. П. Проблема скрещения диалектов на материале языка немцев Поволжья // Изв. Акад. Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 3. С. 82—96. [Dulzon, Andrey P. (1941) Problema skreshcheniya dialektov na materiale yazyka nemtsev Povolzhya (The Problem of Crossing Dialects based on the Volga Germans' Language). *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Branch of Literature and Language], 3, 82—96. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // СЭ. 1933. № 2.

- C. 84—112. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1933) Itogi i zadachi dialektologicheskogo i etnograficheskogo izucheniya nemetskikh poseleniy SSSR (Results and Tasks of Dialectological and Ethnographic Study of German Settlements in the USSR). *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 2, 84—112. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В., Костомаров П. И. К вопросу инволюции немецкоязычных страт российских немцев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 1. С. 76—83. [Kobenko, Yuriy V., & Kostomarov, Pyotr I. (2018) K voprosu involyutsii nemetskoyazychnyh strat rossiyskikh nemtsev (To the question of the Involution of the German spoken Forms of Russian Germans). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 1, 76—83. (In Russian)]. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-1-76-83.
- Кубицкая О. А. Немцы России: энциклопедия: в 3 т. Т. 3: П-Я. М.: ЭНР, 2006. [Kubitskaya, Olga A. (ed.) (2006) *Nemtsy Rossii: entsiklopediya* (Germans of Russia: an Encyclopedia). Vol. 3. Moscow: ERN. (In Russian)].
- Москалюк Л. И. Процессы сохранения/утраты родного языка российских немцев // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 275—277. [Moskalyuk, Larisa I. (2012) Protsessy sokhraneniya/utraty rodnogo yazyka rossiyskikh nemtsev (Processes of Preservation/Loss of Russian Germans' Native Language). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* (World of Science, Culture, Education), 5 (36), 275—277. (In Russian)].
- Шпак А. Переписи населения в России и СССР. URL: <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/240>. [Shpak, Aleksandr. *Perepisi naseleniya v Rossii i SSSR* (Population Censuses in Russia and the USSR). Retrieved from <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/240>.
- Auer, Peter. (2005) A(nother) scenario for new dialect formation: The German koiné in Rio Grande do Sul. In Melander, Björn. (ed.) *Språk i tid. Studier tillägnade Mats Thelander på 60-årsdagen*. Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 57—70.
- Baker, Jonathan. (2011) *The Immediate and Long-Term Effects of Namibia's Colonization Process*. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1961/9852>.
- Bauer, Gottlieb. (1908) *Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga seit ihrer Einwanderung nach Russland bis zur Einführung der allgemeinen Wehrpflicht (1766-1874)*. Saratow: Buchdruckerei "Energie". [2. Aufl.]
- Cybull, Elke. (1993) *Ethnographie des Sprachverhaltens in Alto Bela Vista, Santa Catarina, Brasilien*. Berlin: Freie Universität Berlin.
- Die Deutschen in Australien. Retrieved from https://germany.embassy.gov.au/belngerman/Ger_Aus.html.
- Ellis, Justin. (1984) *Education, Repression and Liberation: Namibia*. London:

- The Catholic Institute for International Relations.
- Hoyt, Margaret. (2004) *Substratum Language Interference: the Effects of Pennsylvania German on the Syntax of the American English Spoken within Southeastern Pennsylvania*. Swarthmore: Swarthmore College.
- Huffines, Marion Lois. (1980) Pennsylvania German: Maintenance and Shift. *International Journal of the Sociology of Language*, 25, 43—57. DOI: 10.1515/ijsl.1980.25.43.
- Insel, Claire Elizabeth. (2011) *Shifting Publics and Shifting Alignments in a Sprachinsel of Southern Brazil*. Tese (Doutorado). Michigan: University of Michigan.
- Jupp, James. (2001) *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, its People and their Origins*. Melbourne: Cambridge University Press.
- Kloss, Heinz. (1966) German-American Language Maintenance Efforts. In Fishman, Joshua A., & al. (eds) *Language Loyalty in the United States: The Maintenance and Perpetuation of Non-English Mother Tongues by American Ethnic and Religious Groups*. The Hague: Mouton, 206—252.
- Kopp, Achim. (1993). The matched-guise Technique in Practice: Measuring Language Attitudes within the Pennsylvania German Speech Community. In Salmons, Joseph C. (ed.). *The German language in America, 1683–1991*. Madison (WI): Max Kade Institute for German-American Studies, 264—283.
- Learned, Marion Dexter. (1889) The Pennsylvania German Dialect. *American Journal of Philology*, 10 (3), 288—315.
- Louden, Mark. (2003) An Eighteenth-Century View of Pennsylvania German and its Speakers. In Keel, William D., & Mattheier, Klaus J. (eds) *German Language Varieties worldwide: Internal and External Perspectives*. Frankfurt/M.: Peter Lang, 69—85.
- Mauch, Cláudia, & Vasconcellos, Naira. (1994) *Os Alemães no Sul do Brasil: Cultura, etnicidade e história*. Canoas: Editora da Ulbra.
- Meyer, Martina. (2014) *Phonetisches Training auf Sprachinseln: Möglichkeiten der Lernintegration und -kooperation in bilingualen deutschbrasilianischen Schulgemeinden in Südbrasilien*. Curitiba: Universidade Federal do Paraná; Universität Leipzig.
- Moser, Hugo. (1969) *Deutsche Sprachgeschichte. Mit einer Einführung in die Fragen der Sprachbetrachtung*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. [6. Aufl.]
- Nöckler, Herbert Carl. (1963) *Sprachmischung in Südwestafrika*. München: Hueber.
- Ohly, Rajmund. (1987) The Destabilization of the Herero Language. In *African Studies of the Academy*. Vol. 2. Windhoek: The Academy.
- Page, Eugene R. (1937) English in the Pennsylvania German Area. *American speech*, 12, 203—206.

- Pütz, Martin. (1992) The Present and Future Maintenance of German in the Context of Namibia's Official Language Policy. *Multilingua: A Journal of Cross Cultural and Interlanguage Communication*, 11/3, 293—323. DOI: 10.1515/mult.1992.11.3.293.
- Randáková, Lucie. (2009) *Ehemalige deutsche Kolonien*. Pardubice: Univerzita Pardubice.
- Spinassé, Karen Pupp. (2008) Hunsrückisch no Brasil: a língua como fator histórico da relação entre Brasil e Alemanha. *Espaço Plural*, Ano IX, n. 19, 117—126.
- Strassburger, Ralph Beaver. (1934) *Pennsylvania German Pioneers: a Publication of the Original Lists of Arrivals in the Port of Philadelphia from 1727 to 1808*. Norristown: Pennsylvania German Society.
- Stumpp, Karl. (2004) *Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862*. Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. [8. Aufl.]
- The Constitution of the Republic of Namibia. (1990) Windhoek: Ministry of Information and Broadcasting, Directorate Production and Publicity.
- Thiel, Jens. (2012) *Infoblatt: Deutsche Auswanderung nach Amerika im 19. Jahrhundert*. Stuttgart: Ernst Klett Verlag GmbH.
- Tock, David. (1994) *German Immigration and Adaption to Latin America*. Lynchburg: College of Arts and Sciences Spring.
- Willems, Emilio. (1980) *A aculturação dos alemães no Brasil: estudo antropológico dos imigrantes alemães e seus descendentes no Brasil*. 2. Brasília: Cia. Ed. Nacional.

Yuriy V. Kobenko, Pyotr I. Kostomarov
National Research Tomsk Polytechnic University

Endoglossic Tendencies in the Functioning of German Settlers' Dialects in the Intercontinental Perspective (17th — 21st Centuries)

The article deals with a historical and linguistic examination of the language islands as part of compact settlements of German settlers' descendants on the territory of various continents (North and South America, Australia, Africa and Eurasia). The temporal perspective of covering the linguistic and cultural assimilation of German immigrants outside the main linguistic continuum makes it possible to trace the change in linguistic situations in the places of their dispersed residence, which are characterized by a high degree of erosion, anticipating linguistic involution, the main feature of which should be recognized as an insurmountable ethnocultural gap between the way of life of the Creole descendants using mainly the autochthonous metalect (local language) as L1 (the main means of communication), and representatives of the older generation, who are still di-

agnosed with a pronounced asymmetric character of bilingualism. The sociolinguistic contrast between the prestigious young and the conservative old is due to a number of extralinguistic factors, the most important of which are migration and urbanization, an increase in interethnic marriages between ethnic Germans and representatives of other nationalities, as well as a linguistic shift, reflected in the transition from the variants of the German language widespread in the studied territories towards idioms that have state status and are used by the majority of the population. Thus, we can conclude that endoglossic dynamics appeared in German dialects of emigrants, which influenced their weakening and gradual disappearance in the studied countries.

Keywords: endoglossia; exoglossia; involution; dialects of German immigrants; prestigious metalect; communicative power

Для цитирования:

Кобенко Ю. В., Костомаров П. И. Эндогlossные тенденции функционирования диалектов немецких переселенцев в межконтинентальной перспективе (17 — 21 вв.) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 198—216.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-198-216.

To cite this Article:

Kobenko, Yuriy V., & Kostomarov, Pyotr I. (2022) Endoglossnyye tendentsii funktsionirovaniya dialektov nemetskikh pereselentsev v mezhkontinental'noy perspektive (17 — 21 vv.) (Endoglossic Tendencies in the Functioning of German Settlers' Dialects in the Intercontinental Perspective (17th — 21st Centuries)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 198—216. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-198-216.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 28.12.2021; accepted for publication 31.01.2022